КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1880 года № 37 10-го сентября.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 3 руб. 60 коп. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходить еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за 1 разъ 15 коп. за строку или ея мѣсто, за 2 раза по 20 коп. за 3 раза по 25 коп.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Своеобразный взглядъ на штундизмъ.

По поводу статьи *штундистъ о штундизмѣ*, которая была напечатана въ „Кіевлянинѣ“ и, въ видахъ ознакомленія съ существующими взглядами на штундизмъ, перепечатана съ нѣкоторыми оговорками и въ „К. Еп. Вѣдомостяхъ“, доставлена намъ довольно обширная замѣтка въ видѣ *отвѣта* на эту статью. Авторъ замѣтки, крестьянинъ села Соловіевки г. Савченковъ, полемизируя противъ высказанныхъ въ статьѣ сужденій о происхожденіи и характерѣ штундизма, заявляетъ свой взглядъ на дѣло. На этомъ довольно своеобразномъ взглядѣ мы въ данную пору и остановимся, оставляя въ сторонѣ то, что можетъ быть оставлено изъ упомянутой замѣтки безъ ущерба сущности дѣла.

Въ статьѣ „штундистъ о штундизмѣ“ было сказано, что причина возникновенія штундизма—„недовѣріе къ духовенству и своеобразное пониманіе догматовъ вѣры“. Считая такое объясненіе „совершенно не справедливымъ“, почтенный авторъ замѣтки старается объяснить дѣло иначе. *Прямыхъ* виновниковъ штундизма онъ ищетъ „въ нѣмцахъ и жидахъ“. Жиды и нѣмцы даютъ видъ, будто поклоняются Богу въ духѣ и истинѣ, а въ сущности они поклоняются не Богу, а мамонѣ или золотому тельцу. Съ цѣлію нажить побольше денегъ, жиды воздерживаются отъ пьянства и разврата—этихъ главныхъ враговъ и губителей человѣческаго благосостоянія. Кагалъ жидовскій строго воспрещаетъ пьянство и развратъ, хорошо зная, что поддавшись тому и другому жиды погибли бы, такъ что и самое существованіе ихъ на землѣ въ средѣ христіанскаго большинства, было бы не мыслимо. Теперь же видимъ противное. Благодаря своему воздержанію отъ пьянства и разврата, жиды не только застраховали себя отъ погибели, но и понаживали капиталы, прибрали въ руки всю торговлю и имѣютъ перевѣсъ надъ христіанами. Хитрый Лютеръ тоже понялъ, что пьянство и развратъ—губительны, потому внушилъ своимъ послѣдователямъ воздерживаться отъ того и другаго; и благодаря этому нѣмцы, послѣдователи Лютера, также успѣваютъ наживать богатства, такъ что берутъ верхъ не только надъ русскими, католиками, но даже и жидами. Воздержаніе отъ пьянства и разврата, давшее такой перевѣсъ жидамъ и нѣмцамъ надъ православными, чрезвычайно нравится этимъ послѣднимъ, даже возбуждаетъ завистъ у нихъ, разсуждаетъ далѣе г. Савченковъ. Православные хотѣли бы подражать имъ въ этомъ, да препятствіемъ служитъ разность въ вѣрѣ. Это-то и поняли нѣмцы. Чтобъ совратить темный народъ нашъ изъ православія въ лютеранство, они выдумали „штундизмъ“, похоже на то, какъ прежде поляки выдумали „унію“. Штундизмъ, проповѣдуя прежде всего „воздержаніе отъ всего худаго, особенно отъ пьянства и разврата, тѣмъ самымъ сталъ

привлекателенъ для православныхъ, возымѣвшихъ надежду, что новая вѣра отъучитъ ихъ отъ пороковъ, въ которые погружены и отъ которыхъ страдаютъ православные, и доставитъ имъ такое же благополучіе, какого достигли жиды и нѣмцы. „Выходитъ, заключаетъ нашъ авторъ замѣтки, что причина возникновенія штундизма есть не недовѣріе къ духовенству, а именно то, что народъ въ средѣ своихъ православныхъ видитъ повсюду одни пороки и нелюбовь къ ближнему. Будьте же воздержны отъ пьянства и другихъ пороковъ, вы, столпы православія и вожди народа, духовные отцы, а также и вы, почтенные русскіе дворяне съ вашей высокой интеллигенціей. Устраните тѣ поборы, которыми обремененъ простой народъ, платя за требоисправленіе по высокой цѣнѣ, уважайте христіанскіе праздники, запретите ярмарки въ праздники, закройте кабаки и проповѣдуйте трезвость,—и тогда никакая штунда не опасна для православія. Простой народъ, увидя у себя то, чему онъ завидовалъ у жидовъ и нѣмцевъ, не будетъ болѣе соблазняться чужой вѣрою и будетъ съ любовію держаться единой, соборной и апостольской церкви. Такой же характеръ носятъ и другія объясненія автора замѣтки, касающіяся тѣхъ или другихъ особенностей и заблужденій штундизма, каковы напр. понятія ихъ о бракѣ, покаяніи, о св. иконахъ и под. Повсюду нашъ авторъ наклоненъ видѣть прямое или косвенное вліяніе нѣмцевъ и жидовъ или же подражательности имъ со стороны отпадающихъ въ штундизмъ православныхъ. Тѣмъ сильнѣе его негодованіе противъ штундизма и тѣхъ, которые наклонны снисходительно относиться къ заблужденіямъ штундизма. Это негодованіе есть вмѣстѣ плодомъ горячей ревности автора по церкви православной, ревности, съ какою онъ выступаетъ не въ этой только статьѣ, но и другихъ *). Какъ ни своеобразенъ тотъ процессъ мышленія, который привелъ нашего автора къ означенному здѣсь мнѣнію о происхожденіи штундизма, тѣмъ не менѣе въ его мнѣніи есть своя доля правды. Доля эта состоитъ въ томъ, что въ штундизмѣ нѣкоторая часть народа, нѣкоторая часть послѣдователей его ищетъ средства къ религіозно-нравственному самовоспитанію себя при свѣтѣ евангелія, а чрезъ это и къ лучшему устроенію своей внѣшней жизни. Лишенные или лишающіе себя необходимаго руководства церкви, штундисты сбиваются съ пути въ поискахъ за искомымъ духовнымъ благомъ. Долгъ не только пастырей, но и вообще добрыхъ христіанъ православныхъ поспѣшить на помощь имъ съ словомъ любви и съ свѣточемъ вѣры истиннаго христіанскаго просвѣщенія".

*) Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны, или будутъ напечатаны въ „К. Еп. Вѣд." Нашъ авторъ какъ бы обнаруживаетъ знакомство даже съ греческимъ языкомъ: не безъинтересно было бы знать, гдѣ онъ учился ему?

Слухи о распространеніи штундизма, къ сожалѣнію, повторяются. Хотя въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ притоновъ штундизма, каковы извѣстныя села и мѣстечки таращанскаго и сквирскаго уѣзда, онъ, кажется, слабѣетъ, но появляется, говорятъ, въ другихъ селахъ. Слышно, будто онъ пробрался уже и въ три уѣзда волынской епархіи. Недавно сообщали намъ, будто говоръ о штундизмѣ появляется у поселянъ и въ переяславскомъ уѣздѣ полтавской епархіи. По поводу неудовольствій, возникающихъ между прихожанами и приходскими священниками изъ за требоисправленій, случалось, говорятъ, слышать отъ первыхъ такое замѣчаніе: „за Днѣпромъ есть люди, что обходятся и безъ священниковъ". Дай Богъ, чтобъ подобные слухи не оправдались.

Исповѣдническіе подвиги и усердіе къ вѣрѣ японской правоелавной церкви. Въ прошломъ № „К. Еп. Вѣд.", по поводу посѣщенія Кіева преосвященнымъ Николаемъ, начальникомъ японской духовной миссіи, теперь вмѣстѣ и архипастыремъ новой японской православной церкви, мы напоминали о нынѣшнемъ состояніи этой церкви, составляющей отраднѣйшее пріобрѣтеніе для православнаго христіанства въ нашу эпоху. Жизнь юной церкви исполнена такихъ поучительныхъ явленій, воспоминать о которыхъ всегда въ пору намъ самимъ, для укрѣпленія нашей вѣры, не всегда такъ живой и искренней, какъ бываетъ она у новообращенныхъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько разсказовъ и описаній, сообщенныхъ въ свое время газетами, заимствованныхъ въ особенности изъ послѣдняго донесенія начальника японской миссіи совѣту православнаго миссіонерскаго общества. Читая простые разсказы изъ жизни многихъ новообращенныхъ христіанъ въ Японіи, невольно переносишься мыслію въ первые вѣка христіанства. Памятенъ

случай, бывшій въ 1872 году въ Сендаѣ: восемь наиболѣе ревностныхъ христіанъ были тамъ заключены въ тюрьму, и до 120 человѣкъ были потребованы къ допросу; были допрашиваемы многіе еще не просвѣщенные крещеніемъ; были допрашиваемы и десяти-и двѣнадцатилѣтнія дѣти,—и даже отъ женъ и малыхъ дѣтей не слышалось на этихъ допросахъ ни слова слабодушія и страха. Памятна исторія перваго священника изъ японцевъ, Павла Савабе. Это былъ ученый, враждебный христіанству бонза, жрецъ при кумирнѣ, жившій въ довольствѣ и избыткѣ, и вотъ этотъ бонза, перейдя въ христіанство, безъ сожалѣнія отказывается отъ своего обезпеченнаго состоянія, обрекаетъ себя и свою семью нуждамъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ, живетъ съ семьей въ ветхой и темной кладовой, подвергается не однократно тяжкому тюремному заключенію за обращеніе въ христіанство и послѣ каждаго гоненія съ новой силой принимается за евангельскую проповѣдь. Примѣръ Павла Савабе не единственный. И въ отчетахъ миссіи, и въ письмахъ изъ Японіи часто встрѣчаются извѣстія о заключеніи въ тюрьму катихизаторовъ, объ отнятіи должностей и вмѣстѣ средствъ существованія у чиновниковъ, принявшихъ христіанство, объ истязаніяхъ, какимъ подвергаются принявшіе христіанство юноши и дѣвицы отъ своихъ остающихся въ язычествѣ родственниковъ, объ изгнаніяхъ изъ дома, о лишеніяхъ наслѣдства. „Нынѣ, читаемъ въ послѣднемъ рапортѣ начальника миссіи, „преслѣдованіямъ отъ сосѣдей подвергаются всѣ христіане въ Акита и Вакаяма; озлобленные язычники, подстрекаемые бонзами, злословятъ ихъ, всячески притѣсняютъ, грозятся разрушить или сжечь ихъ домы, и дѣйствительно иногда, собравшись толпою, врываются въ домы во время катихизацій, ломаютъ и бьютъ все, пока подоспѣвшая полиція не остановитъ безпорядки и насилія". Но всѣ эти и подобныя имъ гоненія и притѣсненія ведутъ лишь къ утвержденію и распространенію христіанства. Приведемъ изъ вышеупомянутаго рапорта одинъ характеристическій въ этомъ отношеніи случай, бывшій съ крестьяниномъ Петромъ Сото: „на его землѣ стоялъ небольшой храмъ съ древнимъ идоломъ, бывшимъ въ большомъ уваженіи по всей округѣ. Петръ, сдѣлавшись христіаниномъ, не могъ выносить, чтобы на его собственной землѣ былъ притонъ суевѣрія, и потому, собравшись съ мѣстными христіанами, разрушилъ храмъ и изрубилъ въ щепки идола. Онъ еще не успѣлъ докончить послѣдней работы, какъ сбѣжавшіеся язычники напали на него и избили почти до смерти, затѣмъ подали на него жалобу и полтора года таскали по судамъ разныхъ инстанцій. Кончилось, однако, тѣмъ, что Петра оправдали, а враговъ его обвинили за самоуправство съ нимъ; впрочемъ, изъ враговъ большая часть въ теченіи суда успѣли сдѣлаться христіанами и братіями Петру". „Кромѣ твердости въ вѣрѣ, не мало и другихъ чертъ изъ жизни новообращенныхъ японскихъ христіанъ переносятъ насъ во времена апостольскія. „Христіанство", читаемъ въ донесеніи, „тѣми, кто принимаетъ его, принимается вполнѣ и возможно полно осуществляется. Учится, напримѣръ, что какъ можно чаще нужно испытывать свою совѣсть и обновляться душой въ таинствахъ покаянія и причащенія св. Таинъ, и христіане исповѣдуются и причащаются не однажды въ годъ и не четыре раза, по числу постовъ, а дѣйствительно такъ часто, какъ кто только имѣетъ физическую возможность: каждое воскресенье здѣсь бываетъ толпа исповѣдниковъ и причастниковъ. Учится, что посты нужно соблюдать, и посты дѣйствительно соблюдаются въ такой степени, что если человѣкъ не можетъ лишить себя мяса или рыбы, потому что и безъ того никогда не ѣстъ ихъ, то лишаетъ себя завтрака, ужина, или чаю, табаку и т. п. Учится, что молитва за умершихъ спасительна для умершихъ, и христіане послѣ обѣдни, кто только видитъ приготовленіе къ панихидѣ, всѣ остаются молиться за умершаго, къ какому бы приходу онъ ни принадлежалъ, смерть же въ своемъ собственномъ приходѣ принимается точно смерть въ семьѣ: всѣ, кто только можетъ, непремѣнно собираются проводить умершаго и помолиться за него; къ совершенію таинства бракосочетанія въ церкви собираются всѣ, кто только замѣтитъ вывѣшенное при церкви объявленіе объ имѣющемся быть вѣнчаніи. Учится, что надо помогать бѣднымъ, и между христіанами заброшенныхъ, бѣдныхъ, безпріютныхъ вдовъ и сиротъ положительно нѣтъ; что надо посѣщать больныхъ,—и для больнаго христіанина весь приходъ его, малъ или великъ онъ, дѣйствительно какъ родная семья; въ госпиталяхъ, гдѣ христіанамъ случается лежать, для язычниковъ всегда составляетъ предметъ изумленія, отчего къ такому-то больному ходятъ такъ много и заботятся о немъ такъ усердно; „должно быть это важный человѣкъ", думаютъ они... Усердіе христіанъ къ вѣрѣ выражается и въ

томъ, что самая проповѣдь не есть дѣло личное однихъ катихизаторовъ, а всей церкви; въ каждомъ приходѣ христiане избираютъ между собою старостъ, дѣло которыхъ преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы расширять для катихизаторовъ кругъ знакомства, находить и приводить къ нимъ новыхъ слушателей; но кромѣ старосты и всякiй христiанинъ и христiанка считаютъ своею обязанностiю дѣлать тоже. Побуждаемые тѣмъ же усердiемъ, христiане, коль скоро число ихъ увеличивается до нѣсколькихъ десятковъ, тотчасъ заботятся о построенiи храма, при чемъ обыкновенно разсчитывается и на устройство при храмѣ помѣщенiя для катихизатора или священника. Такъ въ Преображенской церкви, безъ всякаго участiя миссiи, кромѣ разсмотрѣнiя и одобренiя плановъ, построены уже два храма: въ Такасимидзу и Санумѣ, и устроены молитвенные дома въ разныхъ другихъ городахъ; съ нѣкоторымъ участiемъ миссiи построены церкви въ Сендаѣ и Марiокѣ, безъ всякаго участiя въ Сано, Одавара и Хацинохе. Усердствуютъ христiане и въ попеченiи о содержанiи своихъ катихизаторовъ и священниковъ. Въ Преображенской церкви христiане отдѣлили отъ своихъ полей небольшiе участки и сообща обработываютъ ихъ, деньги же, вырученные за продажу плодовъ, или плоды въ натурѣ обращаютъ на содержанiе катихизаторовъ и священниковъ; въ другихъ мѣстахъ христiане прямо жертвуютъ деньгами; словомъ, вездѣ дѣлаютъ, что могутъ. Такъ однажды жена священника Павла Савабе, бесѣдуя съ православными христiанками, упомянула, что нужно завести священную утварь: христiанки, которыя имѣли, тотчасъ же сняли съ себя головныя серебрянныя украшенiя, другiя принесли изъ домовъ, и, собравъ все въ кучу, сдали отцу Павлу, прося позаботиться объ отливкѣ священной утвари.

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ ВЪ МАЛОРОССIИ.

(Со словъ сельской бабки) *).

(Продолженiе).

Водяной предъ просвѣщенiемъ.—Наканунѣ и въ самый праздникъ Просвѣщенiя у всякаго крестьянина сани непремѣнно бываютъ переворочены вверхъ дномъ. Это явленiе имѣетъ слѣдующiй смыслъ. Не желая оставаться въ рѣкѣ на время освященiя водъ, водные бѣсы крадутъ ночью у крестьянъ сани и перевозятъ на нихъ свою семью и пожитки куда нибудь въ лѣса или горы. Переворочeнныхъ саней они старательно избѣгаютъ, такъ какъ все то, что дѣлается „наводли“ т. е. навыворотъ, наводитъ на нихъ ужасъ. Украденныя сани рѣдко когда отыскиваются, а если и находятъ ихъ, то гдѣ нибудь подальше отъ села, въ трущобахъ. Вокругъ саней лежатъ черепашки и вожи изъ стволовъ камыша. По этимъ признакамъ судятъ, что сани были въ распоряженiи злаго духа. Если бѣсъ не могъ украсть саней, то онъ съ семьей бѣжитъ въ грязное мужицкое бѣлье. На этомъ основанiи крестьянки не моютъ бѣлья во всю седмицу по Крещенiи, имѣя въ виду подольше продержать чертей на сушѣ. Но жидовки—арендарки, желая напакостить мужикамъ, нарочно выходятъ тотъ часъ послѣ „Iордани“ на рѣку мыть свои чулки. Самые старшiе водяные черти прячутся въ чулкахъ жидовъ потому что жидовское бѣлье комфортабельнѣе мужицкаго. Только что арендарка опустила чулокъ въ воду, черти уже и тутъ—за своимъ „головою“ опять сунутся въ свои прежнiя мѣстожительства.

Болѣзни, смертность и смерть облечены народомъ во образъ сверхъестественныхъ существъ и противъ нихъ придуманы довольно оригинальныя средства. Наиболѣе вымысловъ существуетъ о лихорадкѣ, чумѣ и холерѣ.

Лихорадка или „трястя“.—Лихорадокъ семдесятъ семь и всѣ онѣ женщины. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ заговоровъ, помощью которыхъ сельскiя знахарки стараются излѣчивать больныхъ. Первый заговоръ: „Ой на горi дубъ, коло дуба камiнь фарфоровый—марморовый. На тимъ камнi спало ночувало люда семдысятъ и симъ. И прыйшовъ до ныхъ святый отэць, отэць Аврамъ, и пытае ихъ:—гэй вы люды, що за люды вы?—мы ны люды, мы врагові дочки, насъ всихъ симдысятъ и симъ. Мы идэмо въ мыръ знобыты тiлъ, хрыстыяньску кiсть ломыты, молодую кровъ сушыты.—Нитъ, чыкайтэ, Гаврыиль Гаркангэль повыливъ огнэмъ васъ запалыты дымомъ, закурыты.—Святый отче, не губитэ насъ, и ныхай святый отэць зизнаю, що хто будэ завшэ насъ гадаты, помынаты, той не будэ нигды трясти маты“. Второй заговоръ мало чѣмъ разнится отъ этого. По концу можно судить, что онъ находится въ употребленiи у граматѣевъ. Вотъ онъ: „Ой ишовъ св. Аврамъ тай и золотымъ мостомъ. Зустрiчае вiнъ дысяткiвъ симъ и симъ билявыхъ жонъ.—Стоiтэ, жоны, дэ васъ Богъ нэсэ?—Мы идэмо, отчэ, въ свiтъ хрыстянъ труждаты, бiлу кiсть

---

*) См. № 30.

ломыты, крипкихъ тілъ сушыты.—Нитъ, постийтэ, гришни жоны! хрэстъ—хрыстытыль, прэнэбэсный освятытыль повыливъ стребыты всэнькихъ васъ, стребыты до ногы.—Отче, татку, не губытэ насъ. Признаемося по правді—всэнькій свитъ зизнае, що хто будэ завшэ насъ гадаты, помынаты, або въ замыщі чытаты, той не будэ нигды трястя маты."

Лихорадки не простыя крестьянскія бабы, но барышни; они живутъ и въ воздухѣ и въ водѣ. Особенно имъ нравится водовмѣстилище въ „лотокахъ", а лѣсъ для нихъ любимѣйшее мѣсто прогулокъ. Въ нравственномъ отношении они не такъ-то чисты, потому что бросаются на шею всякому встрѣчному и поперечному. Къ своимъ любимцам они летаютъ въ вѣтрѣ, подкрадываются въ пищѣ; превратившись въ заманчивый цвѣточекъ, входятъ въ нихъ съ ароматомъ, и еще—когда *хрыстянинъ* *) влѣзетъ по какой нибудь нуждѣ въ воду, пользуются случаемъ поласковѣе приголубить его, такъ что эта ласка помнится ему иногда цѣлый годъ.

Лихорадку лѣчатъ заговорами и разными мистическими дѣйствіями, унаслѣдованными отъ старинныхъ Присекъ и Химокъ. По большей части заговоры произносятся самыми знахарками. Они обыкновенно вставляются въ средину молитвъ и повторяются нѣсколько десятковъ разъ, такъ что показываются неимовѣрно длинными. Молитвы сопровождаются то дуновеніями, то разными жестами. Въ основу леченія полагается всегда надежда на Бога. Нѣкоторые больные списываютъ заговоры на клочки бумаги и, по трехдневномъ ношеніи ихъ на груди, съѣдаютъ въ пищѣ. Если больной грамотенъ и обладаетъ хорошею памятью, то выучивъ записанное наизустъ, шепчетъ его до тѣхъ поръ, пока лихорадка совсѣмъ не оставитъ его.

Больные лихорадкой до восхода солнца завязываютъ въ тряпочку немного пшена или вареное яйцо и идутъ къ водяной мельницѣ, не оглядываясь назадъ и ни съ кѣмъ не заговаривая. Прійдя къ лотокамъ, они бросаютъ пшено въ воду, приговаривая: „титочки, голубочки, васъ всихъ симдысятъ и симъ, на сниданокъ натэ кашки всимъ". Благо, если здѣсь купается та лихорадка, которая полюбила больнаго: поѣвши кашки она, пожалуй, и разлюбитъ его; въ противномъ случаѣ и пшено и яйцо ни къ чему не поведутъ. Совѣтуютъ еще, какъ средство болѣе или менѣе цѣлесообразное, отрѣзать не большую прядь волосъ, остричь ногти и, завернувъ это въ тряпочку, забить въ просверленное отверстіе растущей осины. Аптеки и доктора не доступны для убогаго крестьянства,—поэтому оно создало себѣ методъ леченія, въ которомъ фигурируютъ разные дикие способы, въ родѣ выкачиванія и выпариванія болѣзней въ горячихъ печахъ. Всѣмъ вѣдь извѣстна пословица, что голь на выдумки хитра. Дайте крестьянину хоть немного *отъ крупицъ, падающихъ со стола господій*, и разныя ужасающія явленія навсегда прекратятся въ его жизни.

Чума и холера.—Барышни еще не оставлены въ покоѣ. Чума и холера, точно такъ же, какъ и лихорадка, слывутъ въ народѣ барышнями. На селахъ всякій „дядюшка" имѣлъ случай видѣть ихъ. Всякій вамъ поклянется и въ добавокъ наѣстся земли, доказывая, что онъ видѣлъ и чуму и холеру. Сколько хотите, увѣряйте, что всѣ расказы его чепуха—„видѣлъ" и только. Спросите первую встрѣчную бабу, какова на видъ чума, она непремѣнно отвѣтитъ вамъ: „а якажъ вона? Пэвнэ така, якъ дидычка,—вжежъ ны така, якъ мужычка". Во время астраханской чумы пронесся по селамъ слухъ, что какой-то янышпольскій мужикъ подвозилъ чуму. Обстоятельно разсказывали—гдѣ, что и какъ. Какого-то дня вечеркомъ ѣхалъ одинъ *хрыстянинъ* изъ Янышполя. Не доѣзжая до ярка, „вотъ до того, что какъ ѣхать въ янышпольскій лѣсъ," — передавала мнѣ старушка, пришедшая по дѣламъ службы,—„смотритъ, идетъ, проше батюшки, насупротивъ его какая-то панна съ паросолемъ въ рукахъ.—А чикай-но. серденько, я цось повимъ тоби,—закричала она. По разговору видно было, что то шла какая-то шляхтяночка.—А что вамъ нужно? Говорите скорѣе, нема часу,—отозвался мужикъ.—Не взялъ бы ты меня, голубчикъ, на возъ?—Да вамъ же не по дорогѣ, къ чему же это?—Это ничего, ты только послушай меня.—Да кто жъ вы такая? любопытствуетъ мужикъ.—Кто я такая? Что тебѣ сказать.... Я чума.

Мужикъ такъ и захололъ, и въ очахъ потемнѣло.—Да ты, господарь, не бойся, я ничего тебѣ не сдѣлаю,—договаривалась чума.

Мужикъ все, таки трясется и не помнитъ, что съ нимъ сталось. Видитъ чума, что мужикъ торчитъ, какъ пень, взяла и вылѣзла безъ его позволенія на возъ. Какъ-то тамъ пришелъ онъ до памяти и говоритъ—„сѣдайте пани".—Я уже и такъ сижу,—сказала чума и засмѣялась. Потомъ она опять гово-

---

*) *Хрыстянинъ* употребляется вмѣсто слова *человѣкъ*, если только понятіе человѣкъ относится собственно къ православному мужику.

ритъ.—Накрой меня, голубчикъ, рядномъ.—А это что еще? спросилъ мужикъ, и у самого отъ страха все еще зубъ на зубъ не попадетъ.—Тутъ, говоритъ чума,—будетъ бѣжать противъ насъ панна и будетъ спрашивать, не встрѣчалъ ли ты, мужичекъ, женку съ паросолемъ,—ты скажешь: не встрѣчалъ. —А кто жъ она такая, проше пани? опять любопытствуетъ мужикъ.

Да холера-жь. Съ парнемъ снова „трястя", опять ему несчастіе.

Ото, дурень, а еще называешься господарь—насмѣхалась чума,—не бойся, не съѣмъ и холера не зацѣпитъ тебя. Не ты, а я ей нужна. Пристала и пристала, что хочешь дѣлай, нигдѣ не спрячусь отъ нея. Какъ тебѣ кажется, зачѣмъ она гонялется за мною? А?.... А затѣмъ, что мнѣ давно уже пора идти съ нею въ Гнилопяуку, тамъ слишкомъ ругаются, только и слышно: „а чтобъ на тебя чума, да чтобъ на тебя холера". Вотъ поэтому холера и тянетъ меня туда, а я упираюсь, не хочу, потому тамъ люди хорошіе, до чужаго добра охочіе,—не хочу и прячусь, а она бѣгаетъ, ищетъ меня потому, видишь, сама она безъ меня ничего не стоитъ.

А откуда вы, проше пани? спросилъ чуму мужикъ, когда узналъ, что ему нечего уже бояться.—Я? Какъ ты скоро поумнѣлъ. Зачѣмъ тебѣ? Такъ.... Я смотрю, вы какъ будто не здѣшная.—Ага! Ну, если ты хочешь знать, то я изъ Кракова.—А та панна, что ловитъ васъ?—Э!—и говорить не стоитъ; эта ледачь изъ „Хранції" (Франціи).—Укрывайтесь, панна,—холера. Чума спряталась подъ рядно... Мужикъ, проше батюшки, пугается не хуже зайца, но какъ разберетъ да пойметъ хорошо, въ чемъ дѣло, становится такой умникъ и пересмѣшникъ, что куда тамъ,—никакъ не скажешь, что онъ трусъ. Такъ и теперь. Подходитъ къ нему холера и спрашиваетъ: —не встрѣчалъ ли ты, мужичекъ, панну съ парасолемъ? А развѣ что? Встрѣчалъ,—говоритъ: тутъ мой мужичекъ такъ разобрался, что даже сталъ подшучивать надъ холерою.—А куда она пошла? спрашиваетъ холера.—Куда? Гэ. Я сейчасъ скажу паннѣ. —А это что—какъ будто кто лежитъ у тебя подъ рядномъ?—Нѣтъ, проше пани, это такъ... Это свинья изъ мѣстечка; прикрылъ, чтобъ кто *не наврочивъ*. —А куда же панна пошла?—Эгэ, уже не догнать. Пошла яромъ, сѣла на пригульную лошичку да махнула до „уѣзду"—навѣрно до сей поры уже и бѣлья набрала въ мойку.—Охъ, господарь, ты что-то не погосподарски брешешь.—Проше пани, не прогнѣвайтесь,—паны больше брешутъ, чѣмъ мужики.

Посмотрѣла холера изъ подлобья, всплеснула руками и изчезла. Мужикъ чрезвычайно изумился.—Ото, сатана! Святой крестъ при насъ,—сказалъ онъ, —Такъ, сатана, все равно, какъ въ землю провалилась.—

А что, гдѣ холера? спросила изъ подъ рядна чума.—Уже замело, пусть ей лихо прицѣпится.

Молодецъ Сидоруню, ты добрый парень, ни слова,—спасибо,—заговорила чума, выходя изъ подъ рядна. За подмогу возми, сердынько, этотъ шелковенькій платочекъ,—онъ пригодится твоей женкѣ.—Подала чума Сидору платочекъ, всплеснула руками и исчезла.

Что, жъ это такое, Господи милостивый?!—удивлялся Сидоръ.—Гм... и платочекъ подала... диво! это, положимъ, еще ничего—будетъ за что хоть съ Гершкомъ посвататься.... Гм... *оцэ алэ, оцэ дыво!*—продолжалъ удивляться мужикъ, потому что никакъ не могъ понять, откуда вышла ему такая исторія. Думалъ, думалъ господарь, ничего не додумался, ударилъ по лошадкамъ и поплелся до господы. Только что онъ положилъ за пазуху платочекъ, какъ тутъ же и схватило его за сердце. „Ой да ой" кричитъ мой Сидоръ,—„ой да ой", въѣхалъ въ село —„ой да ой", доѣзжаетъ до господеньки—уже и духъ ему забило, а въ воротахъ *мусивъ бѣдняга помирати*. А платочка, проше батюшки, не нашлось—должно быть выкрала,—сказано сатана! *„Отъ такая то причта прыключилася, батюшечка, бѣдному мужыкові, ныхай Богъ мылуе"*.

Такъ рисовали похожденіе чумы. Говорили еще, что она бѣгала по селамъ въ видѣ хорта. Одну ночь видѣли ее въ уѣздномъ городѣ, другую въ какомъ нибудь пригородномъ селѣ; тамъ хортъ загрызъ человѣка, передушилъ скотъ, а тамъ залѣзъ въ хату, вслѣдствіе чего въ скоромъ времени въ этой хатѣ всѣ вымерли. Гдѣ пробѣжалъ хортъ, тамъ стала свирѣпствовать дезинтерія, а въ слѣдъ за ней разразилась ужасная оспа. Бѣгъ хорта былъ не имовѣрно быстръ. Одного дня его видѣли на протяженіи десяти миль по всѣмъ направленіямъ; онъ пробѣжалъ всю губернію, наконецъ попался въ Кіевѣ. Надало ему превратиться тамъ въ дѣвицу и начать распространеніе болѣзней. Результатомъ этого было то, что ее какъ разъ на Юрья повѣсили. Слѣдственнымъ дознаніемъ обнаружено, что она была жена какого-то заграничнаго польскаго помѣщика, погрязшаго въ развратѣ. Господь, въ наказаніе за его грѣхи, превратилъ его жену въ чуму, а его самого въ чорную оспу, которая бродитъ по свѣту подъ видомъ

маленькаго дитяти, взявшагося обѣими руками за затылокъ.

О холерѣ толкуютъ тоже въ этомъ родѣ. Она вступаетъ въ села въ сопровожденіи гробовыхъ упырей и *мары* (олицетвореніе смерти). Ея дѣйствія открываются подбрасываньемъ коралловыхъ ожерельевъ и денегъ. Поднявшій эти вещи быстро умираетъ, а вмѣстѣ съ жизнію и находка неизвѣстно куда пропадаетъ.

Холеру прогоняютъ опахиваніемъ полей посредствомъ черныхъ перворожденныхъ быковъ въ сопровожденіи бабьей пляски. Для этой же цѣли забиваютъ осиновые колья на границахъ сельскаго грунта и не мажутъ хатъ внутри. Желая умилостивить ужасную гостью, ложатъ хлѣбъ, соль и ставятъ воду на столахъ. Наконецъ, когда всякія средства остаются безполезны, поютъ среди лѣта колядки,—это, говорятъ, имѣетъ несомнѣнный успѣхъ. Холера глупа; она даже среди лѣта можетъ вообразить, что настала зима.

Смотрите, обращается холера къ своимъ спутникамъ, услышавъ колядки,—смотрите, насъ застало „Риздво", уйдемъ-те поскорѣе, а не то, замерзнемъ. Сказавъ это, она снимаетъ свой лагерь и направляется въ другія земли.

Живые вампиры, какъ охранители народнаго благополучія, не даютъ и шагу сдѣлать холерѣ безъ бою. Происходятъ настоящія войны, въ которыхъ счастіе бываетъ перемѣнчиво для обѣихъ сторонъ. Разсказы, касающіеся этого предмета, характеристично обрисовываютъ обстановку села во время лагерной въ немъ стоянки холеры.

Надъ селомъ висятъ тучи гробовыхъ вампировъ. Часъ отъ часу въ выси зловѣще мерцаетъ по ночамъ кровавый блескъ ихъ страшныхъ глазъ. Въ окрестностяхъ глухой гулъ. Чуть слышно доносятся до поселянъ голоса изъ кладбища; гдѣ-то звенятъ цѣпи. Порой шумно проносится чрезъ село пьяная компанія „гробовиковъ" съ кружками человѣческой крови въ рукахъ, а за ними слѣдомъ пролетаетъ въ огненномъ пламени высокая фигура женщины, одѣтой въ длинное платье. На рѣкѣ не спокойно: оттуда доносится чей-то печальный стонъ. На береговыхъ деревьяхъ замѣчаютъ по временамъ стаи мертворожденныхъ и не крещенныхъ дѣтей. Иной вечеръ на границѣ села поднимается крикъ, означающій битву между живыми и мертвыми вампирами. Когда счастіе помогаетъ первымъ, эпидемія утихаетъ; если же побѣждаютъ гробовики, начинаются величайшіе ужасы смертности. Жестокость холеры выходитъ изъ границъ. Она не только поглощаетъ жертвы, но и поражаетъ свѣтъ ужасомъ, входя съ вампирами въ дома и обнаруживая свой ужасный видъ. Ея видъ можетъ самъ по себѣ умертвить человѣка.

Такъ рисуютъ положеніе села во время холеры. Что касается остальныхъ болѣзней, то онѣ не видимы, хотя тоже имѣютъ видъ людей и звѣрей. Ихъ видятъ только животныя. По слѣдамъ, оставляемымъ ими на грязи, судятъ, что они вѣроятно дѣлятся на людскихъ и скотскихъ. У людскихъ человѣческіе слѣды, а у послѣднихъ—слѣды тѣхъ животныхъ, къ роду которыхъ они относятся.

(Продолженіе будетъ).

С. А. Краснокутскій.

Устройство быта болгарскаго духовенства. Молодое болгарское княжество продолжаетъ свои реформы съ энергіей, отличающей начало политической жизни народовъ, получившихъ самостоятельность. Устроивши политическій бытъ государства, правительство не забыло и быта мѣстнаго духовенства, его матеріальнаго положенія. Такимъ образомъ тотъ вопросъ, надъ которымъ столько времени и доселѣ безъ успѣха трудится и наша пресса и представители нашего духовенства, въ Болгаріи сочли необходимымъ рѣшить на первыхъ же порахъ, поняли не какъ исключительный вопросъ самаго духовенства, но какъ вопросъ общегосударственный. Мы сочли долгомъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ интереснымъ предметомъ съ подробностью, которую позволяетъ сжатый оффиціальный документъ.

Въ одномъ изъ недавнихъ №№ (204) „Марицы" отпечатанъ именно текстъ указа князя Александра отъ 2 іюля 1880 г., касающійся управленія и быта церквей всѣхъ вѣроисповѣданій, т. е. православнаго, магометанскаго и еврейскаго. Устройство православнаго духовенства и церкви представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ управленія дѣлами приходской церкви стоитъ совѣтъ отъ 3 до 5 членовъ, избранныхъ прихожанами (ст. 1) съ согласія и вѣдома епархіальнаго архіерея (ст. 2). Приходъ составляетъ совокупность домовъ, жители которыхъ посѣщаютъ извѣстную церковь (ст. 3); и не можетъ имѣть менѣе 150 домовъ и болѣе 200 (ст. 4). Мѣстный епископъ въ теченіи одного мѣсяца отъ обнародованія настоящаго указа долженъ распредѣлить приходы, при чемъ одинъ священникъ не можетъ и

мѣть въ завѣдыванiи больше одного прихода, а самый приходъ не долженъ быть больше означенныхъ выше размѣровъ. Приходы по своему достоинству дѣлятся на три разряда: первостепенные, второстепенные и третьестепенные (ст. 5). Къ первостепеннымъ принадлежатъ приходы соборныхъ церквей тѣхъ городовъ, въ которыхъ находится епископская каѳедра (ст. 6); къ второстепеннымъ—приходы другихъ городскихъ церквей, какъ въ мѣстѣ жительства епископа, такъ и въ другихъ городахъ (ст. 7). Къ третьестепеннымъ—приходы церквей сельскихъ (ст. 8). Священники получаютъ слѣдующее содержанiе: а) священники первостепенныхъ приходовъ по 2400 франковъ (что по настоящему русскому курсу 258 фр. за сто рублей составитъ не много менѣе 1000 руб. сер.); б) второстепенныхъ приходовъ по 1800 франк. (по наст. курсу 700 р. сер.); в) третьестепенныхъ приходовъ по 1200 фр. (или 500 р. сер.); г) дiаконы соборныхъ церквей по 1200 фр. (500 р. сер.), д)—другихъ церквей по 1000 фр. (не много менѣе 400 р. сер). Пѣвчiе и другiе служители церкви получаютъ вознагражденiе по особому соглашенiю съ церковнымъ настоятельствомъ (ст. 9). Доходы церкви составляютъ: доходы съ имуществъ, завѣщанныхъ церквамъ или прiобрѣтенныхъ на собственныя средства церкви, доходы съ капиталовъ, какъ завѣщанныхъ, такъ и образовавшихся изъ остатковъ, доходы отъ кладбищъ, добровольныхъ подаянiй, продажи восковыхъ свѣчъ и наконецъ доходы отъ церковныхъ *требъ*. Плата за церковныя *требы* устанавливается въ слѣдующемъ размѣрѣ: за вѣнчанiе отъ 10 до 40 франковъ, (или приблизительно отъ 4 до 15 р. сер.), за крещенiе отъ 1 до 5 франк. (или отъ 40 коп. до 2 р. сер.), за освященiе воды отъ 30 сантимъ до 1 франка (или отъ 12 до 40 к. сер.), за сороковую молитву отъ 50 сант. до 3 фр. (или отъ 20 к. до 1 р. 15 к. сер.), за чинъ большаго погребенiя отъ 5 до 40 фр. (или отъ 2 до 15 р. сер.); за малое погребенiе отъ 1 до 20 фр. (или отъ 40 к. до 7 р. 50 коп. сер.) (ст. 10). Въ случаѣ принадлежности нѣсколькимъ церквамъ доходъ раздѣляется соразмѣрно (ст. 11). За требы, обозначенныя здѣсь, доходы поступаютъ непосредственно въ церковь, и ни священникъ, ни кто другой не имѣетъ права требовать ничего въ свою пользу. За другiя требы, которыя священникъ будетъ совершать по благочестивому желанiю прихожанъ, какъ водосвятъ, молебенъ, елеосвященiе, чтенiе на гробѣ умершаго, освященiе дома и т. п. доходъ поступаетъ непосредственно въ пользу духовенства сообразно съ обычаемъ. Если бы въ свою очередь прихожанинъ для совершенiя священнодѣйствiя кромѣ своего священника пригласилъ и другихъ, то платитъ за это особо. Особо платится и за погребальныя катафалки, если таковыя имѣются при церкви, за выносъ для священнодѣйствiя церковныхъ украшенiй (ст. 13).

Частная продажа восковыхъ свѣчъ, употребительныхъ при богослуженiи и религiозныхъ обрядахъ, воспрещается. Для производства свѣчъ въ каждомъ округѣ учреждается одна литейная фабрика, которая находится подъ надзоромъ училищнаго начальства и доходы съ которой поступаютъ на училище округа (ст. 12).

Изъ церковныхъ доходовъ вычитаются расходы: 1) на масло и свѣчи, 2) плата священно-церковно-служителямъ, 3) ремонтъ церкви и церковныхъ недвижимостей и 4) необходимыя церковныя украшенiя (ст. 14). Если бы общихъ доходовъ оказалось недостаточно на покрытiе первыхъ трехъ расходовъ, то управленiю церкви разрѣшается сдѣлать налогъ на прихожанъ или денежный или натурой, сообразно съ существующими обычаями, при чемъ собиранiемъ налога завѣдуетъ общинное управленiе (ст. 15), Если какая-нибудь церковь съ избыткомъ покрываетъ всѣ вышеозначенные расходы, то двѣ трети остатка даются на содержанiе мѣстной приходской школы, а одна треть остается въ церковный капиталъ (ст. 16).

Для управленiя дѣлами епархiи при каждомъ епархiальномъ архiереѣ находится 1) канцелярiя, состоящая изъ одного секретаря, двухъ дiаконовъ, которые служатъ при архiереѣ и отправляютъ въ канцелярiи обязанности письмоводителей и 2) совѣтъ, состоящiй изъ четырехъ священниковъ, выбранныхъ изъ священниковъ того города, въ которомъ находится архiерейская каѳедра (ст. 17). Означенная епископская канцелярiя въ тоже время служитъ и канцелярiею архiерейскаго совѣта (ст. 18). На совѣтѣ лежатъ обязанности административныя и судебныя, опредѣленныя въ 924–926 статьяхъ Временныхъ правилъ (ст. 19). Секретарь получаетъ 2400 франк. (или не много менѣе 1000 р.), а письмоводители по 1200 фр. (или 500 руб. сер.) (ст. 20). Священники обязаны являться въ засѣданiе совѣта разъ въ недѣлю, получаютъ по 4 франка (1 р. 60 к. сер.) за каждое засѣданiе, которое продолжается отъ 8 до 12 час. утра и отъ 2 до 6 ч. вечера (ст. 21). Во время присутствованiя въ со-

вѣтѣ обязанности приходскія отправляетъ другой священникъ или безплатно или съ платою по 2 фр. (80 коп. сер.) въ день (ст. 21). На покрытіе расходовъ, канцеляріи и совѣта назначаются спеціальные доходы, излишекъ которыхъ отдается въ мѣстное казначейство, а смѣта представляется въ министерство внѣшнихъ работъ и исповѣданія.

Подобный же порядокъ управленія учреждается и для религіозныхъ общинъ магометанской и еврейской. Во главѣ управленія отдѣльныхъ приходовъ стоитъ настоятельство изъ 3 или 5 выборныхъ членовъ. Кромѣ рядовыхъ муллъ, для общины магометанской на всякій судебный округъ полагается одинъ муфтій (что-то въ родѣ нашего епископа), выбираемый мѣстнымъ магометанскимъ населеніемъ изъ лицъ, имѣющихъ дипломъ отъ Шейх-Уль-Ислама. При муфтіѣ имѣется канцелярія изъ секретаря и письмоводителя. Главный муфтій, Софійскій, получаетъ отъ правительства 3000 фр. (по 1125 р. сер.), остальные—по 2000 фр. (около 800 р. сер.) Всѣхъ муфтіевъ 10. Расходъ на нихъ покрывается доходами съ браковъ. Во главѣ еврейскаго общества стоитъ раввинъ, изъ которыхъ столичный получаетъ отъ правительства 3000 франк., а другіе содержатся на доходы мѣстныхъ синагогъ.

Въ такомъ видѣ представляется реформа болгарской церкви и духовенства. Обезпеченіе матеріальнаго быта духовенства хотя и не можетъ быть приравнено съ содержаніемъ духовенства протестантскаго и евангелическаго, но во всякомъ случаѣ было бы большимъ счастіемъ для большинства русскаго духовенства, особенно среднихъ и сѣверныхъ губерній, гдѣ хорошіе приходы рѣдко даютъ священнику дохода 400 р. сер., а есть и такіе, которые даютъ не болѣе 100 р. Да и эти доходы добываются такой системой, которая принижаетъ духовенство, роняетъ ихъ въ глазахъ прихожанъ, противна большинству священно-служителей и практикуется ими по необходимости, въ виду неотложныхъ нуждъ своей семьи и хозяйства. Если при этомъ принять во вниманіе хорошую почву Болгаріи и возможность другихъ доходовъ, то можно сказать, что бытъ болгарскаго духовенства устроенъ довольно хорошо.

Обращая вниманіе на частности указа, нужно придти къ выводу, что бытъ мѣстнаго приходскаго населенія Болгаріи представляется далеко не въ такомъ безотрадномъ положеніи, какъ намъ его представляютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что плата за требы назначена и сообразно съ обычаями и сообразно съ средствами прихожанъ, между тѣмъ эта плата далеко превосходитъ существующую плату въ русскихъ приходахъ. Русскаго священника ожидала бы очень печальная перспектива, если бы онъ даже съ очень зажиточнаго крестьянина вздумалъ взять хоть бы напр. за свадьбу 15 руб. сер., или за чинъ большаго погребенія 15 р., а малаго 7 р. сер., а между тѣмъ въ Болгаріи подобная плата не считается злоупотребленіемъ.

Поразительна далѣе простота епархіальнаго управленія Болгаріи. Канцелярія изъ 3 человѣкъ и совѣтъ изъ 4-хъ считаются вполнѣ достаточными для управленія дѣлами цѣлой епархіи, хотя надо сказать, епархіи тамъ гораздо менѣе нашихъ по размѣрамъ. Полагаемъ вообще, что указанныя здѣсь черты въ устройствѣ болгарской церкви и въ дѣлѣ обезпеченія приходскаго духовенства въ ней могли бы представить нѣчто назидательное и для насъ. Наши младшіе братья, конечно, не имѣющіе въ своемъ распоряженіи столько способныхъ силъ и средствъ, нашли однако возможнымъ или лучше необходимымъ разрѣшить вопросъ о бытѣ духовенства на ряду съ основными вопросами государства, а у насъ рѣшеніе его уже десятки лѣтъ тянется и все еще не достигаетъ желаннаго конца.

М—нъ.

Выборъ старосты. Въ собраніи прихожанъ Набережно-Николаевской церкви, бывшемъ послѣ литургіи въ воскресенье 31 августа, старостою этой церкви избранъ профессоръ Кіевской академіи, **А. Д. Вороновъ.**

Профессоръ *И. Малышевскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Печатать дозволяется. 8 сентября 1880 г. Кіевская Духовная Академія.

Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собств. домъ.